

Куба – любовь моя. Глава шестнадцатая. Смена состава

В 2020 году продолжаем публиковать оставшиеся главы воспоминаний инженер-геолога Николая Афанасьевича Самуся о его работе на Кубе 1980-х годах. В этих воспоминаниях много личного, не связанного с профессией. Ведь специалистов тогда приглашали не на один месяц, с собой разрешали перевозить всю семью. Поэтому предлагаемый рассказ интересен скорее с точки зрения истории. Но и для профессионалов найдутся полезные главы, рассказывающие об особенностях работы российских инженер-геологов за рубежом.

Николай Афанасьевич Самусь
ООО «ГеоСИМ»

Работы много, на природу ездить некогда, а тут ещё годовой отчёт за 1986 год, который составлять, кроме меня, никому. Мало того, должны ещё составляться годовые отчёты по всем «Поставщикам», на которых работали и наши, и кубинские изыскатели, а их было в тот год четыре. Немного подумав, я начал писать годовой отчёт по экспедиции, как наиболее полный. Александр Сергеев озабоченно поглядывал на мои усилия и сказал, что хотя бы к концу января нам их составить: ведь в предыдущий год мы писали отчёт всей группой, а сейчас я один... Я его успокоил, но попросил в нужный момент помочь напечатать отчёты, поскольку наша секретарша Женя Лаговская уехала, а я одним пальцем на машинке никак не мог

настучать больше полутора страниц за день. Это сейчас компьютерами владеют все, а в то время о них понятия у нас не было, мужчина за печатной машинкой смотрелся как экзотика. Взяв за образец отчёт предыдущего года, довольно быстро написал от руки наиболее полный отчёт (по экспедиции) и приложения к нему, после чего попросил напечатать. Сергеев тут же договорился с руководителем соседней группы морских геологов Русияном, и тот прислал недавно приехавшую к ним секретаря-машинистку Татьяну Николаевну Резниченко. Имея «опыт» проверок напечатанного нашей Женей, которая с грамматикой не очень дружила, а печатать училась, похоже, уже на Кубе, я настроился терпеливо относиться к ошибкам и исправлениям (решил, что эта первая закладка будет порезана, а потому все исправления сделаю от руки). Уговор был, что для ускорения буду диктовать текст.

Я начал неторопливо внятно произносить каждое слово со старательной дикцией, чтобы машинистка всё расслышала и успела напечатать. Но как только я заканчивал фразу, она уже сидела и ждала следующую. Поскольку я сидел за столом напротив, мне не было видно, что происходит на каретке, поэтому спросил, что она не успела? «Я уже напечатала» - был ответ. Я стал читать быстрее – результат тот же. Даже встал и из-за спины стал диктовать и смотреть... Впервые я видел такую скорость печатания: клавиши машинки мелькали с большой скоростью, еле успевая разминуться в воздухе. Причём печатала (на слух) практически без ошибок, мне править потом практически не пришлось... К концу дня весь отчёт был в 6 экземплярах готов.

После этого первый экземпляр я оставил как черновик общего отчёта по экспедиции, а другие 4 стал править как отчёты по четырём разным поставщикам, вырезая не нужную информацию по другим поставщикам и снабжая только необходимыми приложениями. К концу следующего дня все четыре отчёта были готовы, оставалось изготовить необходимое количество экземпляров, а было только 20 декабря. Утром 22 декабря приехал из ГКЭС в ЭНИЮ Александр Сергеев, и я сказал ему, что отчёты готовы. Он не поверил, сделал большие глаза, когда я положил перед ним все 5 отчётов. И спросил: а что тогда мы в прошлом году все делали до середины января? Я, смеясь, ответил: «Вспомни! Все делали вид интенсивной работы, а писали-то практически мы с тобой! А в этом году мне сваливать не на кого, я и придумал, как поскорее избавиться от этой обузы».

7 декабря всю ночь лил дождь, а до этого три дня бушевало море: вышел первый в эту зиму североамериканский циклон. После дождя температура немного понизилась. Сказывается третий год здесь: начали болеть дёсны, воспалился локтевой мешок на правой руке.

24 декабря начал резать первую скульптурку – фигура женщины с ребёнком, Берег Слоновой Кости, сенуфо. По замыслу придумал название: «Будет жить!»: ребёнок так присосался к материнской груди, что за счёт своих губ почти висел в воздухе (рис. 1). А накануне потерпел неудачу: при работе сломал наполовину вырезанную фигурку кпели, Мали, догоны – из дерева акана.

8 декабря американский разведывательный самолёт облетел территорию Кубы (вошёл на западе острова возле Пинар-дель-Рио, пролетел, держась всё время над сушей, вдоль южного побережья до Гуантанамо, там развернулся и вдоль северного побережья пролетел до Гаваны, и только потом отвернул к северу). После этого почти всю неделю у гостиницы Ривьера на Малеконе (набережной

Мексиканского залива), где находится американское представительство, шли бурные митинги...

Новый год встречали как последний такой праздник вдали от дома. За «каникулы» с 1 по 4 января почти закончил скульптурку, получилась плохо: лицо пожилой женщины с молодым и крепким телом. Не умею ещё управлять выражением лица, нет навыка, глаза хотят одно, а стамеска режет другое...

13 января начал резать композицию под условным названием «Марипосас» (бабочки) из пернатых змеелюдей и бабочек (западно-северная Америка). Дерево – камбала, слегка тонированная морением, видимо, побывала в воде. В перерывах между резкой композиции закончил оформление ягуара под фигурой перуанского божка.

Маски не только резал, но иногда и покупал, но свои изделия нравились больше, хотя они не всегда удавались, особенно фигурка «Будет жить!». Изредка удавалось купить отличные: кажется, из Перу знакомые лётчики привезли за 5 долларов фигуру индейца-охотника, собранную из деталей разных по окраске и фактуре видов древесины, которая дома на стене стала ядром экспозиции масок. На каждой её детали с обратной стороны была наклеена написанная от руки этикетка с названием дерева, из которого резалась (рис. 2).

Где-то в начале января в нашу группу стали прибывать специалисты на вакантные должности. Кроме Н.П. Безгина, который после командировки не уехал в Союз, прибыли Лев Фёдоров – топограф, Валерий Деобальд – геофизик, Николай Ефименко – гидролог. Кажется, чуть позже прибыла Ангелина Васильевна Банникова – гидрогеолог, а также Вера Титаренко – секретарь-машинистка из ГКЭС, все – москвичи. Фёдоров раньше, если не ошибаюсь – во Вьетнаме – был секретарём парторганизации, то есть, заместителем руководителя группы. Поэтому на ближайшем партсобрании его доизбрали заместителем секретаря парторганизации по идеологической работе, ему в полном объёме я передал эти полномочия, которые до этого исполнял сам. Стала пополняться и группа в Матансасе, от прежнего состава там никого не осталось.

Оглядываясь назад, отмечаю для себя, что время моей работы на Кубе после отъезда специалистов прежнего состава нашей группы и приездом новой «смены» было одним из трёх коротких периодов самой комфортной работы за весь мой 55-летний трудовой стаж: первый отрезок – когда я работал главным специалистом в НВ ТИСИЗе, а Борис Тихонович Садовский был начальником отдела, второй – эти несколько месяцев на Кубе, за что я очень благодарен А.А. Сергееву из Воронежа, а третий – работа с января по август 1989 года главным геологом экспедиции Госстроя РСФСР в Армении, в Леникане (Гюмри) после спитакского землетрясения 7 декабря 1988 года.

20–22 января 1987 года проболел: межрёберная невралгия, в поликлинике ГКЭС – амплипульс и ультрафиолетовый ожог.

В начале февраля я завёл разговор с Сергеевым об отпуске и, не встретив возражения, стал потихоньку готовиться. Но всё решилось совсем иначе. Вечером 27 февраля получил телеграмму от Наташи «Умерла мама», и на следующий день я вылетел сам, а Людмила временно осталась – прилетела через несколько дней. Хорошо, что я вёз с собой приобретённую на «отоварке» тёплую куртку, Москва встретила морозом около -10, ветром и снегом. Пока добрался до вокзала, с помощью телеграммы выбил билет, утром был в Черкассах, но накануне днём маму

похоронили. Здесь же была и Галя, а потом прилетела и Люба из Амурска. Погоревали вместе, после чего я поехал в Москву встречать Людмилу.

Перед нашим отъездом на Кубу после отпуска решили «изъять» маленького Антошку у родителей, отвезти его к Наташе, которая согласилась присмотреть за ним. В вагонном купе, пока родители были рядом, Антошка вёл себя очень мирно, но когда они вышли – расплакался на весь вагон. Соседи, воспользовавшись тем, что половина вагона была пустой, перешли в другое купе, а я расхаживал с ним, пока он не умирился и уснул у меня на руках. Утром проснулся – всё нормально, никаких слёз. И у Наташи вёл себя хорошо.

Рис. 1. «Будет жить!»

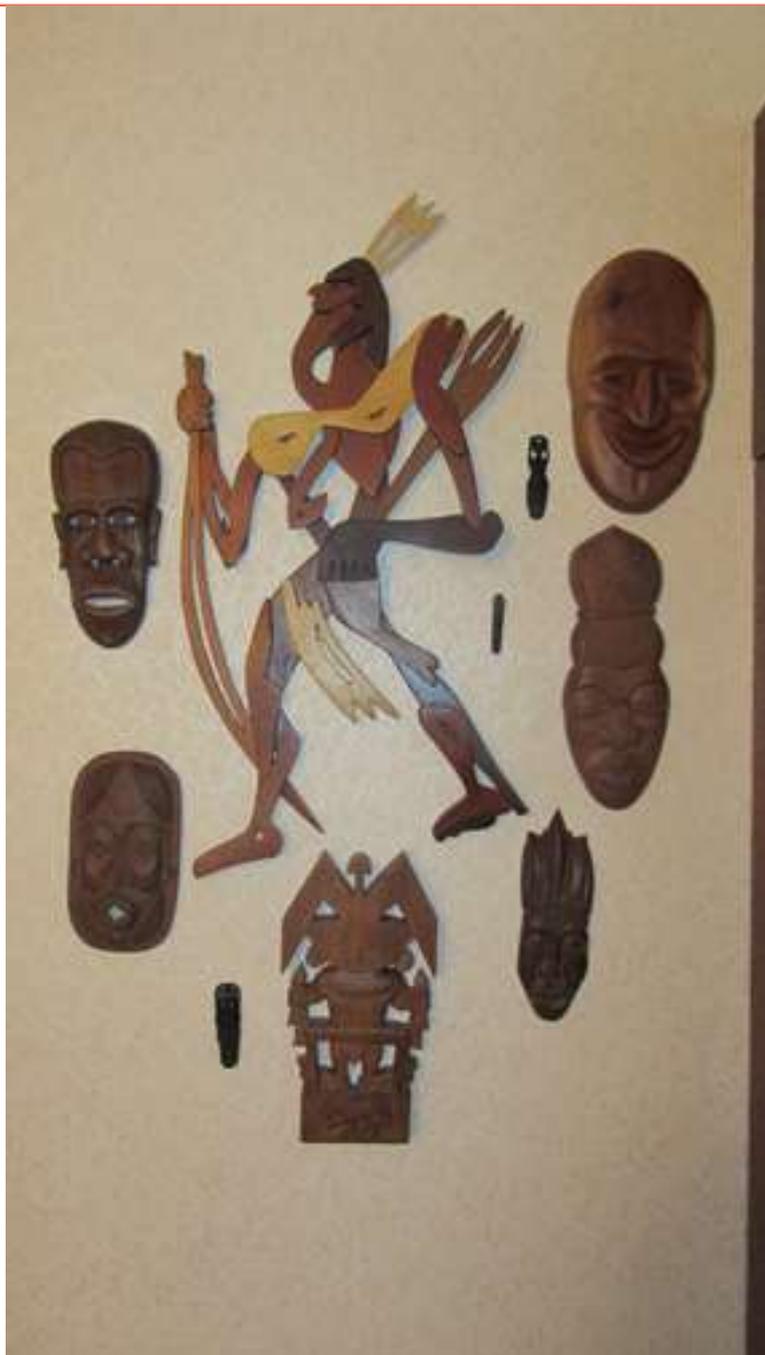

Рис. 2. Так смотрятся маски дома на стене

Вернувшись на Кубу, я стал замечать у себя проблему со зрением. Читать мог без помех, а вдаль стал видеть хуже, цены в магазинах мог прочитывать только со значительным напряжением. Пошёл к местным врачам, к которым всегда относился с восхищением (медицина на Кубе вполне заслуженно является предметом национальной гордости, что свидетельствует в первую очередь о заботе правительства). Врачиха внимательно посмотрела оба глаза и с каким-то почти восторгом рассказала мне, какая своеобразная у меня астигматия: когда смотрю вблизи (читаю), то в левом глазу – норма, в правом – небольшая дальнозоркость, когда смотрю вдаль – в левом глазу -4, а в правом -1. По их рецепту изготовил очки «для чтения» и «для улицы», а также универсальные с четырьмя разными фокусами, с чем пришлось мастеру повозиться. Первое время с радостью пользовался очками

«для улицы»: всё увидел очень чётким, не мог нарадоваться. Потом стал замечать, что если ношу очки более 10 минут – начинает болеть «затылок», а от очков «для чтения» – ещё быстрее. Последний раз носил очки в Армении в 1989 году, а потом и их отложил, и вот уже скоро 30 лет как обхожусь своими глазами: читаю (даже самый мелкий шрифт) левым глазом, а вдаль смотрю правым. Когда устаю – замечаю сразу: предметы вдали начинают двоиться и расплываться.

31 мая. В половине шестого выехали на охоту за ракушками на Плайю Ларга (длинный пляж) – это по западному берегу залив Кочинос почти до берега Карибского моря, напротив Плайя Хирон (через залив). Дорога, начиная от посёлка Плайя Ларга и около 20 км к морю – просёлочная, без асфальта, но сухая, раскристаллизированный калькаренит; справа вдоль дороги идёт низенький, с полметра деревянный частокол – для защиты от кабанов и крокодилов, которые могут забрести сюда из болот полуострова Сапато («ботинок»). Правда, мы ни одного зверя ни по дороге, ни за полдня пребывания на месте не видели. Народу было мало: я, Женя Ефименко да трое кубинцев. Остановились в таком месте, где было множество «развёрток», я «домой» – в посёлок Флорес привёз 11 штук (рис. 3), а более 20 выбросил обратно в море сразу после подъёма: были старые, поросшие водорослями, как мхом.

Рис. 3. а – с четырьмя развёртками, б – так смотрится развёртка ещё с живым моллюском, в – очередь позировать с барракудой – за Женей Ефименко

Глубина залива вдоль западного берега – метра два, среди высоких водорослей на дне ничего не видно, я нашёл только «свиное ушко» и «воробышка», и только потом нашёл «большое поле». Вода с утра была прозрачная, глубина 7–8 метров, плывёшь – как будто летишь на самолёте, а в обозримом пространстве видишь на дне сразу до десятка крупных ракушек. Намечаешь «жертву», ныряешь – на глубине 4–5 м маску придавливает водой к лицу, закрывая один глаз, а вторым можешь разглядеть только где-то сбоку. Стараешься не упустить с поля зрения «объект», хватаешь – и сразу наверх, на всё уходит около минуты. Сильно болят уши. В конце подъёма, когда маска отходит от лица и можешь открыть оба глаза, рассматриваешь добычу. Если плохая – бросаешь и смотришь, куда ляжет, чтобы

второй раз не поднимать. Если хорошая – первую в пакет, привязанный к поясу, вторую и третью в руки, а четвёртую уже ухитряешься удержать двумя руками, в которых уже есть по ракушке. Набрал четыре – относишь на берег. Время уходит. Часам к 10 подул с моря бриз, поднялась волна, вода замутилась. Появились барракуды. Сквозь муть видишь, что на тебя мчится какая-то толстая рыбина. Поворачиваешь на неё. Она подскакивает, в метре от тебя останавливается, развернувшись боком и лениво двигая зубастыми челюстями. Делаешь движение на неё. Неуловимое движение – и её нет. Осматриваешь горизонт ниже уровня воды – нигде не видно. Ныряешь за очередной добычей, и когда прижатая давлением воды маска отходит от лица, видишь барракуду, поднимающуюся рядом с тобой. Неприятное ощущение. Я нырял часов до 11, пока не увидел в мутной воде огромный силуэт проплывающей мимо рыбины, не смог определить кто она. Кто знает, что у неё на уме. Конечно, не съест, но если цапнет, сколько их соберётся на запах крови? Один из кубинцев охотился с моим ружьём, убил рыбину, привязал к поплавку. Когда подплыл к берегу, оказалось, что полрыбины как ножом срезала барракуда. Одну такую хищницу кубинец позже подстрелил, и мы по очереди позировали с нею на гарпуне, выдавая себя за крутых мачо.